

Е.Р.Сквейрс

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ РАННИХ ТЕКСТОВ ГАНЗЫ ИЗ НОВГОРОДА В ТРАДИЦИИ НЕМЕЦКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРАВА

В статье приведен анализ особенностей формата, структуры и внешнего оформления первой Новгородской скры, который помогает и увидеть существенные различия деятельности ганзейцев в Новгороде и в Западной Европе. Сравнение фрагментов разных редакций свидетельствует о том, что первоначально Скра не имела формы книги, а была оформлена как документ-соглашение. Этот документ сначала мог иметь рабочий характер, рассчитанный на регулирование текущих организационных задач, а затем ему была придана функция сохранения большого объема правовой информации. Первая редакция отражает высокую степень самоуправления новгородской общины купцов, но затем Любек все больше забирает контроль в свои руки.

Ключевые слова: Ганза, Новгород, Новгородская скра

1. О языке ранних «новгородских» документов Ганзы¹

Традиция официально-делового письма на родном (средненижненемецком) языке городов Ганзы берет начало в XIII веке, но насчитывает в это время лишь небольшое количество текстов. В начале 2000-х годов подсчеты и инвентаризация ранних известных грамот на средненижненемецком проводились параллельно в двух научных центрах в Германии и России. В университете Мюнстера эти исследования привели к публикации Норбертом Нагелем в 2002 г. списка нижненемецкого корпуса грамот, датированных ранее 1300 г., который насчитывает 24 рукописи, сохранившиеся в нижненемецких версиях [1]. В этом перечне, составленном в хронологическом порядке, важнейший для истории Новгорода и его связей с Ганзой документ, грамота Ярослава, или договор 1269 г., занимает четвертую позицию. Надо отметить, что Н.Нагель указывает только рукопись L этого договора (то есть экземпляр, хранившийся в любекском магистрате), но еще не учитывает возвращенный в научный оборот в том же 2002 г. список, хранящийся в Санкт-Петербурге (см. ниже). Начиная с 1300 г., число нижненемецких грамот стремительно растет, достигая одной тысячи уже к 1350 г. [1, с. 34].

Близкие данные лежат и в основе исследований, которые проводились с середины 1990-х годов в Москве [2, 3]: в числе наиболее ранних документов на средненижненемецком языке здесь рассматриваются:

— первая редакция *Новгородской скры*, т.е. устава общины ганзейских купцов, живших на Петровом подворье в Новгороде, датируется, согласно последним данным, 1268/1269 г. [4, 5] и сохранилась в двух списках: в полной версии из магистрата Любека (IL)² и в виде одного листа из единого конволюта с городским правом города Висбю на Готланде (вольфенбюттельский фрагмент первой Скры: Wölfenbüttler Fragment (IW)³;

— договор немецких городов и Готланда с новгородским князем Ярославом, известный в исторической литературе как «грамота Ярослава», относят к 1269 г.; он сохранился в упомянутых выше двух списках: любекском (L)⁴ и петербургском (SPb)⁵, подаренном в 1761 г. любекским синдиком Дрейером Академии наук в Санкт-Петербурге [3, с. 194-208; 6, 7];

— вторая редакция *Скры*, также составленная до конца XIII века, сохранившаяся в трех рукописях: любекской (IL)⁶, копенгагенской (IK)⁷ и рижской (IR) [3, с. 194-208; 6, с. 270-275; 7, с. 185-203];

Эти 7 рукописей представляют три документа, составленных на нижненемецком (договор 1269 г. является переводом древнерусского оригинала договорной грамоты, сделанным ганзейской стороной [3, с. 194-195; 6, с. 272-275]) и относящихся к сфере связей Ганзы с Новгородом. В связи с хронологией этих «новгородских» документов Ганзы на нижненемецком языке — серединой и второй половиной XIII века — следует принять во внимание, что основополагающий кодекс законов средневековой Германии и одновременно образец нижненемецкого юридического языка, *Саксонское зеркало*, написан незадолго до этого, около 1233 г., а в ганзейской Германии (то есть в городах Ганзы) наиболее ранними юридическими кодексами на родном языке были городское право города Брауншвейга (*Jus Ottonianum*) 1227 г., нижненемецкий текст городского права

¹ Название «Ганза» утвердилось гораздо позднее; в данной работе оно употреблено условно, без хронологического уточнения, обобщенное обозначение для всего периода становления и расцвета торгового союза городов Северной Германии.

² Местонахождение в настоящее время: Москва, РГАДА (шифр: Ф. 1490, оп. 1, № 1).

³ Место хранения этого фрагмента, происходящего из Висбю: Библиотека герцога Августа в Вольфенбюттеле, Германия (Wolfenbüttel, Herzog August Bibliothek, шифр: НАВ, Cod. 404.9 (17) Novi); соответственно, этот второй рукописный источник обозначается в науке сиглой W.

⁴ Местонахождение в настоящее время: Москва, РГАДА (Шифр: Ф. 1490, оп. 1, № 5).

⁵ Местонахождение в настоящее время: Санкт Петербург, СПИИ (шифр: ф. 286 д. 203).

⁶ Местонахождение в настоящее время: Москва, РГАДА (шифр: Ф. 1490, оп. 1, № 3).

⁷ Место хранения Копенгагенской рукописи второй Новгородской скры (II K): Королевская библиотека в Копенгагене (шифр Cod. Thott. 1016, 4).Thott.

Любека (*Любское право*), созданный между 1263 и 1267 гг., и гамбургский *Судебник (Ordelbok)* 1270 г., а первая городская грамота на нижненемецком языке составлена в Хильдесхайме лишь в 1272 г. [2, с. 444].

На этом фоне нижненемецкие документы, составленные по поводу русских торговых дел Ганзы — то есть документы, относящиеся к Новгороду, — занимают важное место среди наиболее ранних нижненемецких текстов, появившихся после долгого периода господства латыни в деловой и правовой сферах. Следует особо отметить, что они практически современны *Любскому праву* в его старейшей первой версии и несколько старше его второй, «Бардевикской» версии 1295 г. *Любское право* сыграло роль образца и юридической основы для новгородских правовых документов Ганзы в пору правового оформления ее положения в Новгороде, в особенности это актуально в отношении *Новгородской скры*. С другой стороны, и новгородские памятники на нижненемецком языке занимают в этом кругу ранних правовых текстов Ганзы весьма заметное, важное место, как старейшие свидетельства правовых обычаев и стратегий немецких городов в эпоху достижения и закрепления их господства в международной торговле Северной Европы.

В течение следующего, XIV столетия нижненемецкая традиция официально-делового письма на востоке по-прежнему опережает западные области ганзейской активности: многочисленные грамоты, связанные с отношениями с Новгородом или циркулирующие между ним и ганзейскими инстанциями, уже пишутся на нижненемецком языке в то время, когда внутриганзейские документы сопоставимого правового уровня или протоколы и решения ганзейских съездов, речессы, еще сплошь составлены на латыни [2, с. 443-444]. Когда в 1360-е годы нижненемецкий начинает постепенно использоваться в ряде ганзейских городских канцелярий, это происходит ранее всего на востоке. Наконец, дольше всего Ганза придерживалась латыни в переписке со своими западными конторами и партнерами, особенно с находящимися в Англии (первые «английские» нижненемецкие грамоты внутриганзейской циркуляции относятся 1370-м годам [2, с. 444]).

2. Постановка проблемы

К тому важному положению, которое новгородские документы Ганзы занимают в процессе ее перехода на родной язык в качестве средства официально-деловой коммуникации как внутри Германии, так и в международном масштабе, следует прибавить и их исключительное значение для исследования начального этапа зарубежной деятельности Ганзы с историко-правовой точки зрения. Дело в том, что они (в особенности первые версии *Новгородской скры*) документируют гораздо более раннее время по сравнению с аналогичными источниками из ее других зарубежных контор. Так, в Англии ганзейские города также вели торговлю с XIII века, однако там она долго существовала «в совершенно раздробленном виде» [8], то есть в форме контактов отдельных немецких городов (Кёльна, городов Вестфалии и области по течению р. Маас) с отдельными же английскими городами (Бостон, Линн, Йорк, Ньюкасл, Гуль), и необходимость общей координации долго не осознавалась в качестве первоочередной задачи; лишь с XV века ганзейская торговля начала сосредотачиваться в едином организационном центре в Лондоне. Поэтому и статуты ганзейского лондонского двора известны лишь начиная с XIV века, причем в виде сводной публикации фрагментов версий 1320—1460 гг. [9].

Изучение старейшей *Новгородской скры*, первого учредительного документа, на основе которого жила немецкая купеческая община в Новгороде, позволит лучше понять способы первоначального правового оформления и организационные принципы объединения купцов, приехавших из городов Ганзы, во временно образованную зарубежную общину. Возможно, наблюдения, сделанные на материале устава новгородской конторы, позволят прояснить и некоторые общие аспекты ранней истории зарубежной деятельности Ганзы, в частности — лучше понять особенности организации и ранней истории других иноземных дворов, не оставивших о ней собственных документальных свидетельств.

3. Особенности рукописной традиции первой редакции

Из семи существующих редакций *Скры* три первые связаны с городом Висбю на Готланде, который послужил подлинным плацдармом для основания ганзейской торговли в Новгороде. Немецкие купцы присоединились к готландцам и пользовались их Готским двором в Новгороде до устройства собственного Петрова двора. В Висбю, как полагают, написана и первая *Новгородская скра*, то есть старейший известный устав общины Петрова двора.

О задачах и мотивах составления *Скры*, ее назначении на раннем этапе ее истории можно в какой-то мере судить по внешнему виду ее сохранившихся рукописей. Она, как уже упоминалось, существует сегодня в 2 списках: в полной рукописи, хранившейся в Любекском магистрате, а затем архиве (и потому носящей сиглy L), и в небольшом фрагменте (W). Последний был частью кодекса, содержавшего также текст городского права Висбю, и поэтому очевидно, что он никогда не был в Новгороде. Но и рукопись L, содержащая только *Скру*, не является тем экземпляром, которым пользовались немецкие купцы, находясь на Петровом дворе: об этом свидетельствует ее чистый и вполне сохранный внешний вид.

Полная рукопись первой *Скры* (L) отличается особенностью рукописной формы (кодицилогической формы) и от фрагмента W, помещенного в кодекс городского права, и от большинства поздних редакций. Так, уже следующая, вторая редакция, появившаяся вскоре, в том же XIII веке, имеет вид кодекса, т.е. рукописной

книги. Форму кодекса⁸ отличает от рукописи, выполненной на едином листе, целый ряд особенностей его оформления и письма: это рукопись в виде книжного блока, состоящего из листов, собранных в тетради и сшитых вместе, разлинованных по схеме кодекса (линиями, ограничивающими общую площадь текста, внутри которой сделана построчная линовка). Текст такой рукописи структурирован, то есть разбит на части и параграфы, оптически выделенные знаком «параграф» или иным способом; кроме того, части текста могут иметь заголовки. Для структурирования текста используются заглавные инициалы двух или более размеров (уровней). Для кодекса также характерен книжный тип письма.

В противоположность этим признакам, типичным для кодекса, первую *Скру* в рукописи L отличает курсивный канцелярский тип письма, которым текст записан на одном большом листе, только с одной его стороны и без разделения на тематические части. Этими чертами оформления первая *Скра* скорее близка к типу средневековой грамоты: она не имеет формы кодекса, а целиком записана на очень большом листе, с одной его стороны. Притом этот пергаменный лист имеет горизонтальный формат: его ширина почти вдвое превосходит высоту (соответственно 53 и 28,5 см), а 33 строки текста идут во всю ширину, без разделения на столбцы.

Интересны и другие детали расположения текста на листе. Сверху и с обеих сторон поля узкие, одинаковые, не намного шире и ниже поле. На обоих боковых полях были предварительно сделаны проколы для линовки листа. Последний прокол внизу — для еще одной, 34-й, строки, которая осталась незаполненной; предпоследняя строка занята текстом наполовину. Кроме этого небольшого излишка в пространстве листа, текст заполняет весь большой пергамен с максимальной точностью. К тому же почерк ровный на всем протяжении, без признаков стремления растянуть или сжать письмо, в том числе и в конце текста не наблюдается заметного нарастания сокращений слов (что характерно для случаев, когда в конце работы писцу становится ясно, что текст может не поместиться).

Все это может свидетельствовать о том, что писец имел возможность заранее точно рассчитать наилучшее размещение предстоящей работы на листе. А это с большой вероятностью означает, что данная рукопись *Скры* является списком с аналогичного, тоже «однолистного» большого формата, а не с образца, имевшего разделение на страницы (то есть, с кодекса).

Дальнейшее важное отличие рукописи L от кодекса заключается в характере ее письма. Писец пишет ровным, изящным почерком, соответствующим своему времени (XIII век), что говорит о его несомненной профессиональной квалификации. В это время в Германии четко различается прямое книжное письмо, применявшееся для кодексов, и курсивное канцелярское письмо, которым писари канцелярий составляли различного рода документы, письма и грамоты. Тип письма, которым выполнен текст списка L, по начертанию букв приближается к курсивному; таким же почерком написан, например, современный этому списку договор с Новгородом 1269 г. (его список L), а он, естественно, выполнен в формате грамоты, а не книги. Таким образом, письмо первой *Скры* в рукописи L отражает жанр и характер текста, не соответствующий юридическому кодексу.

В рукописи отсутствует начальная буква текста (D): писцом оставлено место (очевидно) для цветного инициала, который, однако не был вписан. Это само по себе не редкость в средневековых рукописях и вовсе не должно означать, что I *Скра* осталась незаконченной и не была юридически действительна. Скорее имеет значение то, что для этого невыполненного инициала не была предусмотрена большая высота: он не должен был опускаться ниже своей строки, узкие поля не позволили бы и значительно увеличить его высоту и вынести его элементы влево. Этим рукопись также отличается и от фрагмента первой *Скры* W, и от кодекса второй редакции (Копенгагенской рукописи второй *Новгородской скры* первый инициал занимает высоту трех строк, выполнен красным и синим цветом и украшен филигранным орнаментом).

Текст L писан сплошь, без абзацев и другого разделения на тематические части и не имеет ни общего верхнего заглавия, ни внутренних заголовков отдельных глав или параграфов. Название новгородского ганзейского устава «Скра» (снем. skra, skraa, schra), принятое в науке, опирается на ее самоназвание во вступительной формуле, в обращении ко всем тем, кто «эту скру видят и слышат» (dhe these schra sen vnde hogen); также устав упоминается и во многих последующих документах.

В рукописи L отсутствуют и такие цветные элементы письма, как маркеры начала разделов (знаки параграфа) и инициалы. Однако в тексте есть заглавные буквы, и если присмотреться к их употреблению и форме, то можно различить два типа заглавных. Некоторые из них крупнее и заметнее других: они выполнены со сдержанными украшениями и оптически дополнительно выделяются тем, что перед ними увеличен отступ от предшествующего предложения. Сравнение со следующей, второй редакцией показывает, что в последней именно в этих местах начинаются новые главы, снабженные заголовками. Таким образом, структурное членение в рукописи L предпринято (и даже сохранено в последующей редакции), однако и оно сделано в форме, характерной для дипломатики (т.е. формата грамот), а не для юридических кодексов.

⁸ Термин «кодекс» в данной работе приходится употреблять в двух различных смыслах, соответствующих двум областям его применения. В юридическом контексте под правовым кодексом имеется в виду сборник, свод законов, записанных вместе (т.е. кодифицированных). Обычно такой сборник и по форме представляет собой кодекс — во втором смысле. В науке, изучающей рукописи, тот же термин описывает рукописную книгу со стороны ее формы, а не содержания: рукопись в виде стопки листов, соединенных в книжный блок и переплетенных, а не в виде отдельного листа или свитка.

В дальнейшем вторая, третья и последующие редакции *Новгородской скры* пополняются новыми положениями и увеличиваются в объеме, часто при этом они оформлены в виде кодексов и выполнены соответствующим книжным шрифтом. Надо признать, что то же прямое книжное письмо и форма кодекса отличают и фрагмент W первой *Скры*. Это чрезвычайно интересно с точки зрения выяснения того, как выглядел первоначальный список, который не сохранился. Выше уже приводились свидетельства, говорящие за то, что протограф по форме был аналогичен рукописи L. Кроме этого способа, для установления очередности создания списков обычно обращаются к свидетельствам языка и текста. На этом основании — по свидетельству ошибок и описок в рукописи — В.Шлютер высказывался в пользу того, что рукописи L и W являются независимыми друг от друга параллельными списками общего протографа. Эти наблюдения не позволяют сказать, какой из списков старше, однако мы уже знаем, как должен был выглядеть этот протограф. Его форму повторяет полный список из Любека: на большом листе в горизонтальном формате, канцелярским курсивом, без разделения на столбцы и абзацы. Что же касается фрагмента W, то он создавался в другой форме, поскольку был включен в общий том с городским правом Висбю. Эта общность была задана изначально: он писался не на отдельных листах, а в продолжение общего с городским правом двойного листа. Сообразно этому предназначению список W оформлен, как и городское право, по принципам кодекса и выполнен соответствующим этой форме прямым книжным письмом с использованием характерных для кодексов XIII в. цветных элементов.

Таким образом, наши наблюдения, касающиеся характера письма и оформления рукописи, а также выполненное В.Шлютером сравнение ошибок и описок дополняют друг друга и вместе свидетельствуют о том, что общий протограф списков первой *Скры* (а по всей вероятности, и экземпляр, находившийся в Петровом дворе) не имел формы книги, а был оформлен как документ-соглашение, обращенный к сторонам или к целому кругу участников, присутствующих при его чтении.

4. Форма и функция правового текста

Это следует, по всей видимости, понимать так, что первоначально *Скра* не задумывалась как правовой сборник, а выполняла функцию рабочего документа, служившего для оглашения общих правил жизни на подворье и их подтверждения присутствующими сторонами / участниками непосредственно перед началом их пребывания в Петровом подворье. Если сопоставить этот вывод с первым положением текста *Новгородской скры*, то становится понятно, кто является участниками этого соглашения:

Someruare vnde winteruare, so wanne se comet in dhe ny, so solen se oldermanne kesen dhes houes vnde synte peteres vnder sic seluen dhe dhar rechtest to sin, van wiliker stat so se sin;

«Летние и зимние приезжие, когда они прибывают в Неву, должны выбрать старост подворья св. Петра из [числа] самих себя, которые на то управомочены, от какого бы города они ни были» [Скра I, 1].

Ганзейские купцы, съезжающиеся на общую смену из разных городов, останавливаются в устье Невы, достигнув территории своих русских партнеров, где им зачитывается устав, по которому им предстоит жить вместе полгода. Подтвердив свое согласие и обязательство выполнять устав (*in sante peters rechte wesen*, «жить / торговать по праву святого Петра» [Скра IV, 72], они выбирают правление двора (старост); таким образом подготавливается правовая и организационная основа для первых же шагов, которые им предстоит совершить в качестве членов общины Петрова двора по прибытии в Новгород.

Учитывая время создания первой *Новгородской скры*, совпадающее с самым началом создания первых кодексов законов Любека на родном языке, следует допустить, что устав ганзейской зарубежной общины вряд ли уже тогда мыслился как юридический сборник, письменно фиксирующий правовые нормы и дисциплинарные правила на какой-то долгий срок. Напротив, в тексте первой *Скры* просматривается ее связь с непосредственной ситуацией и ее конкретными участниками. Стабильная правовая основа для устава обеспечивалась опорой на положения *Любского права*, сам же устав мог иметь рабочий характер, рассчитанный на регулирование текущих организационных задач. Более того, аналогичные *Скре* соглашения должны были существовать и до ее первой известной редакции, с основания Петрова двора в конце XII века. Поскольку письменная латинская фиксация такого соглашения в среде обитателей двора не имела бы смысла, а немецкая правовая традиция, как показано выше, складывалась намного позднее, то реализация такого прообраза *Скры* могла, скорее всего, иметь форму устных соглашений на основе положений знакомого всем участникам немецкого обычного права. Это тем более вероятно, что первая редакция содержала всего 9 положений, и они касались распорядка и жизни внутри немецкого двора.

Если сохранившаяся версия первой *Скры* действительно является первой, то ее все же разумней рассматривать как один из переходных этапов на пути от устных обычноправовых договоренностей между конкретными участниками в период первых поколений обитателей новгородской ганзейской общины к более поздним, чем первая *Скра*, кодифицированным правовым основам деятельности двора, оформленным по подобию городских юридических кодексов.

Этот переход мог совершаться постепенно, так как функция сохранения большого объема правовой информации выдвинулась на первый план далеко не сразу. Так, форму кодекса имеют любекские списки второй и третьей редакции (как и уже упоминавшаяся копенгагенская рукопись второй *Скры*), однако третья редакция существует еще в двух текстовых вариантах, и они имеют однолистный формат. В версии IIIa текст на одной

стороне листа без разделения на абзацы и столбцы. Аналогичную форму имеет и вариант IIIb в обоих своих списках (ревельском Re и рижском R)⁹. Важно, что этот вариант считается написанным непосредственно в Новгороде. Объем текстов этих редакций по-прежнему невелик, они удобно располагаются на одном листе (только у одной рукописи на оборотную сторону перенесены последние 15 строк текста).

Четвертая *Скра* значительно прирастает в объеме по сравнению с предшествующими редакциями, она содержит уже 119 положений, структурированных в виде маркированных разделов, и ее единственная рукопись имеет форму книжки из 16 листов небольшого формата, сшитых вместе по корешку.

5. Свидетельства старейшей *Новгородской скры* для ранней истории Ганзы

Параллельно с этой эволюцией формы и функции у *Новгородской скры* наблюдается и аналогичное политическое развитие: если первая редакция отражает высокую степень самоуправления (например, приведенная выше цитата разрешает выборы старост по факту состава приехавших, притом от любого города), тогда как в последующих редакциях круг городов, от которых могут быть избраны старосты, сужается до центральных инстанций — Любека и / или ливонских городов. Начиная же с четвертой *Скры* (1361), Любек все больше забирает в свои руки контроль над составлением самого устава, и самостоятельности новгородской общины ганзейцев вскоре приходит конец.

К таким общим выводам, касающимся раннего этапа эволюции правовых основ совместной торговли городов Ганзы за пределами их родины, приводит анализ особенностей формата, структуры и внешнего оформления первой *Новгородской скры*. Во многом эти выводы несомненно касаются и других регионов зарубежной деятельности Ганзы. В то же время пример Новгорода помогает и увидеть существенные различия: например, нельзя не заметить связи между раздробленностью ганзейской торговли в Англии, с одной стороны, и наличием тяжелого «транспортно-географического» фактора, объективно требующего согласованности и объединения немцев уже на пути в Новгород, с другой.

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 17-01-00158-ОГН

1. Nagel N. Die mittelniederdeutschen Wunstorfer Urkunden von 1290 und 1303 — zwei Fälschungen aus dem 14. Jahrhundert? Ein Beitrag zum Stand der Erforschung der mittelniederdeutschen Urkunden der Zeit um 1300 // NdJb. 2002. Bd. 125. S. 37-43.
2. Сквайрс Е.Р. Ганза и Русь: модель языкового контакта // Славяно-германские исследования. Т. 1-2 / Ред. А.Гугнин, А.Циммерлинг. М., 2000. С. 443-444.
3. Squires C. Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen, mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England. Köln, 2009. S. 54-56.
4. Schlüter W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert. Bd. 1. Dorpat, 1911. S. 8.
5. Korlén G. Die niederdeutschen Texte des 13. Jahrhunderts. Beiträge zur Quellenkunde und Grammatik des Frühmittelalters. Lund / Kopenhagen, 1945. S. 198.
6. Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. С. 270-275.
7. Squires C. Early Hanseatic Manuscripts in the Mid- Eighteenth-Century Discourse between Lübeck and Saint Petersburg // Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik. 2018. Bd. 78. S. 185—203.
8. Dollinger Ph. Die Hanse. 5. Auflage. Stuttgart, 1998. S. 319.
9. Lappenberg J.M. Urkundliche Geschichte des Hansischen Stahlfhofes zu London. Bd. 2: Urkunden. Hamburg, 1851. № 106.

References

1. Nagel N. Die mittelniederdeutschen Wunstorfer Urkunden von 1290 und 1303 — zwei Fälschungen aus dem 14. Jahrhundert? Ein Beitrag zum Stand der Erforschung der mittelniederdeutschen Urkunden der Zeit um 1300. NdJb, 2002, Bd. 125, pp. 37-43.
2. Skvayrs E.R. Ganza i Rus': model' yazykovogo kontakta [Hansa and Rus: a language contact model]. In: Gugin A., Tsimmerling A., eds. Slavyano-germanskie issledovaniya, vols. 1-2. Moscow, 2000, pp. 443-444.
3. Squires C. Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen, mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England. Köln, 2009, pp. 54-56.
4. Schlüter W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert, Bd. 1. Dorpat, 1911, p. 8.
5. Korlén G. Die niederdeutschen Texte des 13. Jahrhunderts. Beiträge zur Quellenkunde und Grammatik des Frühmittelalters. Lund / Kopenhagen, 1945, p. 198.
6. Skvayrs E.R., Ferdinand S.N. Ganza i Novgorod: yazykovye aspekty istoricheskikh kontaktov [Hansa and Novgorod: linguistic aspects of historical contacts]. Moscow, 2002, pp. 270-275.
7. Squires C. Early Hanseatic Manuscripts in the Mid- Eighteenth-Century Discourse between Lübeck and Saint Petersburg. Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik, 2018, Bd. 78, pp. 185-203.
8. Dollinger Ph. Die Hanse. 5. Auflage. Stuttgart, 1998, p. 319.
9. Lappenberg J.M. Urkundliche Geschichte des Hansischen Stahlfhofes zu London. Bd. 2: Urkunden. Hamburg, 1851, no. 106.

⁹ В отношении рукописей третьей редакции и некоторых списков второй данные об их форме приводятся по описанию В.Шлютера [4, s. 22], поскольку они привлекаются здесь только в качестве сравнительного материала.

Skvaivs E.R. Early Hansa texts from Novgorod in the tradition of German medieval law. The article provides an analysis of the format, structure and external design of the first Novgorod shra, which helps to see the significant differences between the activities of the Hanseatic people in Novgorod and Western Europe. Having compared of fragments of different editions, the author concludes that originally Skra was not a book, but a manuscript-agreement. At first, this document was used for regulating the legal and organizational issues, and then it became a legal code. The first edition reflects the high degree of self-government of the Novgorod merchants' community, but then Lübeck takes more and more control over it.

Keywords: Hanse, Novgorod, Novgorod Shra

Сведения об авторе. Екатерина Ричардовна Сквайрс — д.ф.н., профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра германской и кельтской филологии; skvaivs@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.10.2019. Принята к публикации 10.11.2019.